

1 Нравственный аргумент

Эванс: ОПНО (объективно принуждающие нравственные обязательства): обязанности, которые остаются независимыми от личных верований и желаний агента.

1. Если Бога нет, то не существовало бы объективно принуждающих нравственных обязательств
2. Если существуют ОПНО, Бог существует
3. ОПНО существуют
4. Бог существует.

Ницше, Маки атакуют 3).

1.0.1 Существуют ли ОПНО?

Ницше, генеалогия нравственности восходит к экономическим отношениям должника и одолжившего. Живущий в обществе обязан обществу за те преимущества, которые оно дает. Развивается в обязанность по отношению к предкам (реальным и мистическим), которые как считаются положили начало обществу. Фигура бога. Долг перед обществом превращается в долг перед богом, а воля бога - в источник обязанностей. В иудеохристианстве это принимает серьезный характер "обязанностей".

Нет никаких ОПНО, это лишь "Постыдный факт исторических фальсификаций" цит по Эванс, с. 112 Примерно тех же взглядов придерживался и Маки (там же)

Льюис: те же люди, которые отвергают объективные моральные обязанности как "иллюзию" в следующий момент оказываются "убеждающими нас работать ради будущих поколений, заниматься образованием, революционизировать, прояснять, жить и умирать ради блага человеческого рода" Там же

1.0.2 Требуют ли ОПНО Бога в качестве основания?

Сложная задача защитника: 1. Вообще требуется объяснение 2. Доказать, что нетеистические объяснения неверны. Этих объяснений много, поэтому и задача сложна 3. Каким образом Бог дает объяснение ОПНО? Нужно какое-то позитивное изложение отношений Бога и ОПНО. (Заповеди, чел. природа...)

Сложно показать, что ОПНО требует объяснения. Если Бог не требует объяснения, значит возможно, что существует еще что-то, не требующее объяснения. Вилленберг: просто некоторые факты во вселенной морально правильные, а другие морально

неправильные. (с 114) Из этого также очевидно, что НА не является убедительным доказательством.

Джордж Мавродис, например считал, что моральные факты, связанные с обязательствами, были бы просто удивительны и в самом деле прямо странными, необычными, если бы мы верили, что вселенная в которой мы живем - "Расселовская вселенная" (см. цитата из Рассела

Мир, в котором такие (моральные) факты - "голые факты" не кажется очень похожим на Расселовский мир. Представляется, что в Расселовском мире, в общем натуралистическом, в котором все редуцируется к базовым физическим частицам, моральные факты не были бы "глубоки". Сокрее, мир, в котором существуют абсолютные моральные факты кажется больше похожим на Платоновский взгляд на мир, чем на Расселовский. А мир, как он видится платониками, хотя, вероятно, не бязательно теистический, обычно кажется "конгениальным (особенно если сравнивать его с другими философскими взглядами) религиозному пониманию мира. (с115) Возможно поэтому многие философы которые преданы натуралистическому пониманию морали, не удовлетворяются заявлением, что факты нравственных обязанностей — просто абсолютные, голые факты, но скорее стараются дать объяснение этих фактов.

Поэтому такие философы как Мэки, преданны натурализму, но не верят что любое подобное объяснение может быть дано, просто оставляют веру в любые объективные нравственные обязательства и принимают *теорию ошибки*.

Из wikip:
Маки:
теория
ошибки
— форма
нравственного
нигилизма

1. В мире
не
существует
нравственных
черт;
ничто ни
хорошо,
ни плохо.

2.
Следовательно
никакие
нравственные
суждения
неистинны,
однако:

3. Наши
искренние
нравственные
суждения
пытаются,
но
никогда
не могут
описать
нравственные
черты
происходящего
(вещей).

Т.о. мы
всегда
впадаем
в ошибку,
когда
мыслим в
нравственных
категориях.
Мы
пытаемся
констатировать
истинность,
когда
делаем
нравственные
суждения.
Но
поскольку
нравственных
истин не
существует,
все наши
нравственные
утверждения
ошибочны.
Отсюда:
если нет
нравственной
истины,
не может
быть
нравственного
знания.
Т.о.
нравственные
ценности
— химера
(R.F.
Landau)

Релятивистский взгляд на НО. Gilbert Harman. “Абсолютные” нравственные ценности, которые бы включали объективно принудительные нравственные обязательства, должны быть отвергнуты, потому что мы не можем для них найти “локацию”

в мире, как он объясняется наукой. Поскольку мы не можем объяснить такие НО натуралистически, Харман отказывается от них совершенно и вместо этого дает отчет о НО как укорененных в интересах и соглашениях конкретных личностей. Т.о. такие обязательства не являются объективно принуждающими (связывающими).

1.0.2.1 Натуралистические объяснения НО

1. “Объяснение от натуралистической редукции” НО могут быть объяснены человеческой биологией и психологией. Классический утилитаризм (Jeremy Bentham, John Stuart Mill): Если мы можем определить некоторые естественные свойства (удовольствие или некий другой опыт, напр) как “хорошее”, а другие как “плохие”, и если мы примем общую “обязанность” максимизировать хорошие исходы и минимизировать плохие, тогда кажется что можно объяснить НО из естественных фактов.
2. НО как результат общественного согласия или договора /с117/
3. Кантианское объяснение. НО, накладываемое людьми, как рациональными существами, на самих себя,

Современный утилитарист Richsrd Boyd, напр. видит НО основанными на последствиях наших действий, но не согласен с тем, что хорошие исходы могут быть измерены неким простым свойством таким как удовольствие. Вместо этого, Бойд говорит, что благо д.б. идентифицировано со сложным комплексом свойств, и мы должны положиться на научное исследование того, какие типы действий на самом деле производят благо.

Другая альтернатива. Пытается вывести благо из современной эволюционной биологии. Larry Arnhart, Darwinian Natural Right: The Biological Ethics of Human Nature. Арнхарт считает, что совр биология дает нам основу для определения какие человеческие желания “естественны” в смысле того, что они часть человеческой природы /с 118/. Это желания, которые “встроены” в нас и их нельзя изменить, не изменяя нашу биологическую природу. Не все, чего ч. желает, на самом деле желательно, но естественные желания, укорененные в нашей природе должны восприниматься как желательные такими существами как мы, и т.о. благом. Арнхарт определяет по кр. мере 20 таких желаний и на этом основании считает что у нас есть руководство к тому, какие действия “правильны” (способствуют удовлетворению этих естественных желаний) а какие - нет.

Трудности: 1. G.E. Moore заявил, что идентификация блага с любыми конкретными естественными свойствами или кластером свойств всегда можно опровергнуть. Из того, что некоторые люди желают некоего исхода, не следует, что этот исход на самом деле желателен. Напр. Арнхарт заявляет что одним из наших “естественных” желаний является желание доминировать и контролировать других. С биологической точки зрения А возможно находится на зрелой почве, утверждая что это - устойчивая ч. характеристика, но кажется крайне сомнительным выводить из этого биол. факта, что доминирование и контроль других — благо. 2. Этический консеквенциализм(?) Даже если мы согласимся, что можно определить некоторые результаты как благо, это не означает, что факты, относящиеся к НО можно вывести из фактов, относящихся к этим понятиям блага. Например, допустим, кому-то срочно нужна пересадка почки чтобы жить. Допустим у меня две хорошие почки, мог бы пожертвовать одну без существенного риска для здоровья и что моя почка подойдет. Результат кажется очень хорошим. Нет сомнения, что такое решение с моей стороны было бы нравственно хорошим. В то же время немногие стали бы доказывать, что в этой ситуации у меня есть НО стать донором. Кажется, для того, чтобы появилась НО отдать почку, нужно что-то большее чем просто благо как результат этого действия. /с119/ Более того, в некоторых случаях действия, которые принесли бы наилучшие результаты — совершенно аморальны и у нас есть НО не совершать их. Напр. полицейский может предотвратить расовый бунт, в котором сотни людей были бы убиты отдав одного невинного человека разбушевавшейся толпе. Даже если наилучший результат был бы получен таким образом, совсем неочевидно, что полицейский имеет НО отдать толпе невинного человека на растерзание. Скорее наоборот. Консеквенциалисты пытались отвечать на этот вызов, но неудачно. 3. Требование нравственной непредвзятости (impartiality). Утилитаристы и другие консеквенциалисты обычно настаивают что наши НО — не просто то, что на благо нам, или что на благо нашей семье и друзьям, но что на благо и другим. Часто даже настаивают на строгой непредвзятости: я нравственно обязан рассматривать нужды и желания других личностей и даже разумных животных вообще наравне со своими нуждами и желаниями. Это все замечательно. Но как объяснить это требование непредвзятости? Ясно, что такая непредвзятость — “естественна” в смысле обычного поведения людей. Сами консеквенциалисты соглашались, что такая непредвзятость — большое достижение. Большинство из нас больше заботятся о себе, друзьях и семьях, чем о других. Многие вообще не

заботятся о других людях, принадлежащих к другой расе, религии, или секс. ориентации (не говоря уж о “негуманоидных животных”). Натур консеквенциалист возможно скажет, что такая непредвзятая позиция - точка зрения рациональной личности, смотрящей на вещи беспристрастно. Такая личность принимает “нравственную точку зрения”. Но почему мы должны принимать такую т.зр.? Что является источником нашего долга поступать т.о.?

Мы можем согласиться что этот взгляд на то, как нужно искать блага — это то, как вещи выглядели бы со стороны “идеального наблюдателя”. Но мы, люди, не являемся идеальными наблюдателями. Значит встает вопрос *почему* личность должна занимать такую беспристрастную “моральную точку зрения”? Почему я должен заботиться о том, как (фиктивный) идеальный наблюдатель рассматривал бы мое поведение? Конечно, это обрело бы смысл, если бы идеальным наблюдателем была бы реальная личность (Бог?), чья оценка важна для меня. Но если такой личности нет, неясно, почему я должен заботиться об оценке Идеального Наблюдателя. Т.о. одна из наиболее базовых черт НО не может быть объяснена с той точки зрения, что наш долг — просто максимизировать хорошие исходы (результаты).

Можно искать естественные причины такого поведения. Было предпринято несколько попыток показать, что альтруистическое, беспристрастное поведение каким-то образом укоренено в нашей природе, как ее понимает эволюционная биология. Например, некоторые предполагали, что альтруистическое поведение имеет генетическую основу. Однако, даже если эти теории преуспеют в объяснении почему люди иногда ведут себя нравственно, совершенно неясно, каким образом такие факты могут объяснить существование действительных нравственных *обязательств*. Ни одно /с121/ биологическое объяснение, почему люди могут заботиться о других людях, кажется, не способно объяснить почему им *следует* заботиться о них.

1.0.3 Теории общественного договора.

Согласие или контракт заключенный людьми — источник НО. НО — человеческая конструкция, поэтому нет нужды в Боге, чтобы их объяснить.

Почему возникает договор (ОД)? Это в наших интересах. Thomas Hobbes описал политическое состояние природы как такое, в котором люди — в состоянии “войны” друг с другом, и в котором жизнь “одинок, беден, неприятен, груб и короток”. (цит 28). В естественном состоянии нравственности люди

бы свободно следовали личным желаниям за счет других, но в таком обществе блага, являющиеся плодом совместных действий оказались бы под угрозой. Получается, что в целом (и на длительном протяжении) “принятие долга является действительно выгодным”. (цит29)

Соц договор: люди соглашаются принять некоторые ограничения своего поведения в том случае, если другие соглашаются на те же ограничения. Я не буду вам врать, или красть, или нарушать обещание при условии, что вы не будете врать мне, красть у меня, или нарушать в отн меня свои обещания. Важно заметить, что соглашение обоюдное и обусловлено тем, что делают другие. Другие основания были бы иррациональными (оставить мои права на благополучие при том, что другие этого не сделают и не будут обращать внимание на мое благополучие). /с122/ David Gauthier, защищающий это описание нравственности говорит, что человек, который обещает поддерживать соглашение, не был простофилей (dupe). Напротив, он должен согласиться сотрудничать, только если другие поступят также. “Он позаботится о том, чтобы те, кто не склонны к честному сотрудничеству не получили выгоды ни от какого сотрудничества, сделав эту нечестность слишком затратной для них и т.о. иррациональной”.ссыл30)

Это объяснение имеет долю убедительности, ведь мы признаем, что часто нравственность приносит выгоду. Нечестный магазинщик не будет обманывать покупателей, т.к. боится, что обман раскроется и он лишится бизнеса.

Критика: Может ли такое объяснение адекватно объяснить все действительные обязательства?

1.0.3.1 Какова природа самого договора?

1. Это реальное соглашение, или гипотетическое? Каждая опция имеет свои недостатки.

Допустим, это реальное соглашение, заключенное личностями. Можно спросить — когда был заключен этот договор и каким образом? Что если кто-то не был проинформирован о встрече? На это можно возразить, что договор может подразумеваться, возможно никакой формальный договор не нужен. Но: * Все ли обещают выполнять такой договор? Как насчет наемного убийцы мафии, или расиста, который считает, что он может вести себя как угодно по отношению к людям другой расы? * Если нравственные правила, управляющие нашими жизнями основаны на реальных соглашениях, почему мы уверены, что есть только одно такое соглашение? Очевидно разные

сообщества могут и /с123/ действительно будут иметь разные правила?

Если правила должны быть такими, чтобы все члены общества приняли их, они должны отражать различия в ресурсах и статусе и силе, которыми обладают разные люди. Богатый охотно согласится с правилом, что никто не должен красть у других, но откажется от правила о том, что преуспевающие должны помогать тем, кто не так удачлив. (ссыл 31) Если разные группы людей согласятся с разными наборами НО, кажется НО не будут объективными, но относящимися к обществам, заключившим соглашение.

Непонятно также почему этот договор должен рассматриваться как обязывающий в том же смысле, что и НО. Ведь большинство договоров, заключаемых людьми не являются “открытыми”, но заключаются на опред период времени, многие имеют оговорки, позволяющие выйти из соглашения. Почему люди не могут выйти из договоров нрав. характера, если это серьезно вредит их интересам? Есть много случаев, когда нравственные действия приводят к ущемлению интересов действующего, по крайней мере в случае, когда интересы оцениваются с т.зр. натурализма и подразумевает достижение таких вещей как богатство, здоровье и репутация. Вряд ли натуралист может апеллировать к преимуществам, связанным с одобрением этих действий Богом).

Тем не менее факт в том, что одна из черт НО, наиболее нуждающаяся в объяснении — факт того, что они объективно обязывающи (принудительны). Они приложимы ко всем и во все времена. Нр. правила, которые держатся благодаря договору, из которого я могу выйти, будут лишены этой черты.

2. Спектр проблем, охватываемых любым реальным соглашением. Поскольку мотивация договора /с124/ — личный интерес, кажется выгодно заключить такое соглашение только с теми, кто может принести мне пользу, или хотя бы не повредить мне, в результате соглашения. Однако есть множество людей, обладающих ментальными или физическими недостатками, или тех, кто живет в жестокой бедности, и не могут принести мне пользы никаким образом, и не представляют для меня никакой угрозы. Кажется логичным не включать таких людей в спектр, охватываемый договором. Однако считается, что у нас есть обязанности по отн к инвалидам и больным, и что наши обязанности по отн к таким людям особенно важны. Конечно могут быть честные различия в чем именно могут

быть обязаны жители богатых стран в отношении жителей бедных, однако несомненно истинно, что те, кто живет в более бедных странах должны быть объектом озабоченности для тех, кто обладает финансовыми ресурсами. Сложно понять, каким образом такие обязанности могут быть результатом реального соглашения, мотивированного личными интересами.

- Гипотетическое соглашение. То, которое человек принял бы, если бы были удовлетворены некоторые условия. Например, можно утверждать, что правила морали – правила, которые люди бы приняли, если бы не знали о своем реальном статусе в обществе. Допустим, мне нужно выбрать нравственные правила для людей, при том что я еще не знаю, какой будет моя собственная жизненная ситуация. Буду ли я мужчиной, или женщиной, богатым, или бедным, в каком регионе мира я буду жить и т.о. В этом случае можно считать более вероятным, что правила, которые я приму, будут честными и беспристрастными для всех, поскольку было бы рискованно поддерживать правила, которые означали бы ущерб одной группы, в которой я мог бы оказаться

Однако неясно, как реальные обязательства могут основываться на договоре, который является лишь гипотетическим, договоре, который я бы принял, если бы выполнялись определенные условия, даже несмотря на то, что в реальности они не выполняются. Сценарий: Возможно истинно, что если бы я пошел послушать местный симфонический оркестр и затем услышал обращение с просьбой о сборе средств для продолжения его деятельности, я бы пообещал сделать серьезное пожертвование. И если бы я сделал такое обещание, кажется разумным думать, что я обязан сделать пожертвование. Однако непонятно, как гипотетический факт (допустим это факт) что я сделал бы такое обещание в некоей ситуации (которая в реальности не существует) обязывает меня сделать пожертвование. Вероятно, это благо для меня сделать такое пожертвование, но это не составляет моего долга. Возможно есть правила, по которым люди согласились бы жить, если бы они встретились под “вуалью неведения” (известное предложение John Rawls’a), не зная, какие позиции они займут в жизни. Но сложно видеть, каким образом этот факт создает обязанности для нас как действительных личностей. Ведь мы не являемся теми фиктивными персонами.

И действительные и гипотетические соглашения встречаются и другие серьезные сложности:

- соглашение – условное, в котором личность обещает жить по неким правилам, *если* другие поступят также. Проблема в том, что у нас есть серьезные эмпирические причины думать, что другие не будут всегда так поступать. Пример обмана в образовании. Предположим сообщество в котором нет обмана (списывания) преуспевает намного больше чем сообщество, в котором процветает плагиат. Даже несмотря на то, что личность может находиться в искушении обмануть, чтобы достичь некоего блага (лучшей работы, допуска в университет и т.д.) можно утверждать, что было бы разумно воздержаться от обмана если и другие поступят также, потому что если обман широко распространен, возникнет много нежелательных последствий. Проблема в том, что в реальном мире списывание очень распространено. Следовательно, даже если человек пообещал не списывать *если* другие также согласны, никаких обязательств не списывать не появилось бы. Если я знаю, что другие будут на самом деле списывать, тогда условие моего согласия на правило исчезает. Если я не хочу быть “простофилей”, я должен заключить /с 126/ что поскольку другие списывают, если я сам не буду поступать также, я окажусь в невыгодном положении.

Проблема “халявщиков” и “паразитов”.

Выгодно заключить общественный договор, но выборочно нарушать его. В некоторых случаях нарушение правил невозможно обнаружить, и т.о. оно останется безнаказанным. Поэтому кажется, что лучшей стратегией было бы согласится следовать правилам нравственности и следовать им во всех случаях, где есть некая вероятность, что нарушения могут быть обнаружены и отклоняться от них в случаях, когда это нельзя обнаружить, но может быть достигнута серьезная выгода. Таким образом личность получает преимущества обоих миров: репутацию нравственного человека, в то же время имеющего возможность действовать аморально в некоторых случаях.

1.0.4 Теории самозакония (Self Legislation).

Кант: НО как законы, которые люди автономно признают для себя. Мы и авторы Нрав закона, и его субъекты. Современные философы часто интерпретируют это описание Канта как делающее Бога необязательным для морали.

Сам Кант считал, что вера в НО связана с верой в Бога в нескольких отношениях

Известно, что он считал, что преданность морали требует от личности веры в Бога, что он называл “постулатом практического разума”. /с127/

Более того, Кант не считал что люди изобрели НЗк посредством законодательства. Скорее они добавили нечто вроде собственного рефлексированного одобрения (санкции) принципу, который в некотором роде объективен. Быть нравственным существом означает быть членом “Царства целей” (как в “цель оправдывает средства”) и Бог является главой этого царства и является автором НЗк. Так, несмотря на то, что Кант считал НЗк принципом, который разум устанавливает независимо, он также считал, что правильно смотреть на НЗк как на божественную заповедь.

Секулярное понимание самозакония (без Бога) сталкивается с двумя типами трудностей.

1. Проблема характера НЗк как введенного самим человеком и другие вопросы касающиеся содержания НЗк.

Известное описание первого типа трудности Кьеркегором: “Кант придерживался мнения, что человек - сам себе закон (автономный) - то есть, он связывает себя законом, который он сам дает себе. В действительности в более глубоком смысле - это именно то, как вводится (устанавливается) беззаконие или экспериментирование (с НЗк). Это означает быть строго серьезным не больше, чем удары, которые Санчо Пансо сам нанес собственному заду. (ссыл 36)

Кьеркегор здесь явно думал, что закон, особенно НЗк, должен быть в состоянии обязать нас, если это подлинный закон. Однако закон, данный самому себе не обладает такой обязывающей силой, поскольку если индивидуум способен ввести закон, он также должен иметь власть его отменить и вероятно подвергнется искушению поступить так, как только мораль противостанет тому, чего хочет личность.

Elizabeth Anscombe: “концепция законодательства требует высшей силы в качестве законодателя”. Она утверждает, что идея “закона, данного самому себе” подобна заявлению, что /с128/ каждое решение, принятое личностью - “голосование” которое всегда оказывается большинством 1-0 (ссыл 37)

2. Как определить содержание НЗк?

Если НЗк дается личностью самостоятельно, то любое содержание оказывается произвольным (38) “Я никогда не должен действовать, кроме как таким образом, когда я могу также желать, чтобы моя максима сделалась общим законом”. (39) Но с самого начала

критики заявляли, что это требование настолько формально и абстрактно, что оно не может указать никакого конкретного содержания. Люди могут хотеть чего угодно в качестве общего закона, не противореча себе.

У Канта есть несколько версий категорического императива, которые как он заявляет эквивалентны оригинальной версии, что оч. сомнительно для многих философов. Впрочем, одна из форм более обещающая: нам следует “действовать таким образом, что вы никогда не относитесь к человечеству, в своем ли лице, или в лице любого другого (человека), просто как к средству, но всегда в то же время как к цели” (40). Речь идет о том, что одно разумное существо должно *ценить* другие разумные существа.

Современный философ-кантианец Christine Korsgaard полагается на версию этого принципа, пытаясь развить современное объяснение того, как люди могут сами быть /с129/ основанием НЗк. Корсгаард следует Канту рассматривая источник нормативности похожим на закон, универсальную “форму”, которая является составом нашего “рефлексивного одобрения” возможного способа действия, однако она признает, что эта универсальная форма не может дать вполне определенное содержание НЗк. (41) Она делает различие, которого сам Кант ясно не проводит, между категорическим императивом и НЗк (42)

Кант Имп отклоняет некоторые максимы в качестве возможных законов, потому что не каждый принцип может быть последовательно желателен в качестве универсального закона. Однако, для Корсгаард конкретные максимы, которые имеют авторитет для человека в конце концов проистекают из личности (идентичности) этого человека, поскольку “взгляд на то, что тебе следует делать —- взгляд на то, кто ты такой” (43).

Поскольку ясно, что люди могут и в действительности воспринимают свои личности (идентичности) очень по-разному, из этого следует, что люди, видящие свою идентичность по-разному будут видеть свои обязанности по-разному и согласно взглядам Корсгаард будут иметь разные обязанности.

Корсгаард пытается ограничить релятивистские следствия этого, доказывая, что любая практическая идентичность, принимаемая личностью должна включать признание своей ценности как человека. В сущности, “наша идентичность как нравственных существ – как людей, которые ценят самих себя как человеческие существа, – стоит за нашими более практическими частными идентичностями” (44) Это близко к

формуле Канта, что личности должны оцениваться как цели в себе, и никогда как только средства (45)

Эванс соглашается, что такая формула описывает нечто глубокое в отношении наших НО, и далее показывает, что признание ценности чел личности - "естественный знак", указывающий на Бога. Вопрос не касается истинности заявления, что человеческие личности имеют "вложенную" ценность и достоинство, и следовательно должны быть ценимы, как цели, но того, почему это истинно. Корсгаард считает, что строит "конструктивистское" описание нравственности, в котором нравственные истины /с130/ - продукт человеческой рефлексии и размышлений и что этот конструктивизм видится как альтернатива "субстантивному реализму" в отн. морали, который видит нрав свойства как присущие объективным сущностям и состояниям (46) Однако признание всех людей созданиями, которые обладают неотъемлемо присущей ценностью и достоинством подозрительно напоминает субстантивный реализм. +++))

Не все люди действуют согласно этой максиме Канта-Корсгаард. С незапамятных времен многие люди слишком охотно соглашались с тем, что нам следует "любить своих друзей и ненавидеть своих врагов"... действовать как нам угодно по отношению к "другим", будь-то члены другого клана, племени, расы, религии, пола, секс-преференций ...

Очевидно, у людей есть выбор в том, как они определяют свою идентичность. когда люди не строят свою практическую идентичность тем способом, каким по мнению Корсгаард (и Канта) им следует строить, совершают ли они ошибку? Если так, то кажется нравственный реализм в конце концов прав, поскольку те, кто дегуманизируют другие личности, кажется не способны распознать объективную истину, что все люди имеют внутреннюю ценность. Если же они не ошибаются, тогда кажется, выбор идентичности, рассматривающей человека как имеющего ценность - просто "радикальный выбор", подобный "экзистенциалистскому" который видит нравственность укорененной в случайном выборе.

Возможно, Керкегор попытался бы избежать этой дилеммы, утверждая что хотя любая идентичность, которая не признает ценности человека, - разновидность ошибочной идентичности, ошибка эта не заключается в неспособности распознать некую субстантивную нравственную истину, но в неспособности решить практическую проблему "правильным" способом, которого требует "разум". Впрочем, трудно понять, почему другие решения могут быть "неправильными" если люди

как таковые на самом деле не имеют ценности, которая подразумевается моралью. Конечно, многие культуры /с131/ не распознающие присущей ценности всех людей - не лишены фундамента рациональности. Стоит вспомнить, что даже такой великий философ как Аристотель, который буквально изобрел логику и определил Западную концепцию рациональности, смотрел на женщин и рабов как на естественно низшие существа, лишенных фундаментальных прав, которыми, как верит кантианец, обладают все люди. Из этого следует что кантовский принцип ценности всех людей не является неизбежным результатом практического рассуждения *сам по себе*, но кажется практически рациональным только для тех, кто признает внутреннюю ценность человеческой личности.

То, что личная идентичность - в конце концов случайна - то, что Корсгаард имплицитно признает, когда соглашается, что наша идентичность как нравственных агентов "не всегда преодолевает (swamp) другие формы идентичности", что означает что НО не всегда замещают, превосходят другие типы обязательств (47) Возможно Корсгаард ответила бы что ценность, приписываемая человеческой личностью просто выводится из ценности, которую мы относим к нашему собственному разуму. Если мы рефлексивно пытаемся решить, как мы должны прожить свои жизни, мы не можем не признавать ценности других личностей, как таких же рефлексирующих существ.

Две проблемы: 1. Действительно ли то, что признание нами ценности людей зависит от нашей способности заниматься рациональной рефлексией? Позже Эванс обещает показать, что это не так: люди которые не способны на рац рефлексиию - младенцы, тяжелые душевнобольные, страдающие от сенильности - создания, к кому приложимы особые нравственные обязанности. Они имеют внутреннюю ценность и достоинство, которое не может быть укоренено в способности рассуждать. 2. Даже если мы согласимся, что ценность человека укоренена в рациональности, нет никаких причин, чтобы признавать ценность всех людей. Многие люди часто думали о других людях о как не вполне рациональных. Те, кто дегуманизирует рабов, женщин, или людей другой расы слишком уж обыденно отрицают, что те, кто дегуманизированы не способны на самом деле к рациональной рефлексии. Если такие люди ошибаются, значит опять субстантивный моральный реализм истинен.

1.0.5 Два естественных знака (указывающие на) Бога, встроенные в НА.

Инвентаризация: Если определить доказательства существования Бога как валидный аргумент с истинными посылками, ясно, что НА как я его сформулировал — не доказательство. Можно не только сомневаться в существовании объективных НО, и т.о. поставить под сомнение (2) (Существуют объективные принуждающие НО), но мы еще и убедились, что есть пути поставить под вопрос посылку (1) (если существуют ОПНО, Бог существует) рассматривая три возможных объяснения НО которые объясняют их, не упоминая Бога. Впрочем, мы рассмотрели достаточно подробно слабые стороны этих попыток опровергнуть аргумент и очевидно, что все они связаны с определенными жертвами (ценой). Теории ошибки, вроде той, что дана Мэки и Ницше связаны с отрицанием многих глубоко укорененных нравственных убеждений. Редукционистские объяснения, теория социального контраста и теория самозакония каждая также имеют свои ограничения и во многих случаях не объясняют адекватно некоторые важные черты морали. В результате НАы хотя и определенно не достигают стандарта доказательства, кажется, имеют подлинную силу, по крайней мере для тех, кто принимает некоторые концепции НО.

Причины, по которым НА обладают своей силой лежат в естественных знаках Бога, на которых основывается аргумент. (1) наш опыт нас самих как ответственных и подотчетных нравственных существ (2) наше восприятие особой ценности и достоинства человеческой личности.

Дальше — Теория божественной заповеди. Даже для тех, кто ее не принимает, изложение теории сделает ясным некоторые возможные пути, как НО могут указывать на Бога.

1.0.6 Теории божественного заповедания НО. /с133/

Объяснение заимствовано у Philip Quinn и Robert Adams. Оба создали пионерские работы в развитии этого взгляда в современном философском мире.

- (1) Теория божественной заповеди (ТБЗ) ограничена рассмотрением НО. Это не общий отчет об этических концепциях. На самом деле, как мы увидим, она предполагает несколько других этических концепций, особенно некоторые концепции блага. Концепция обязанности не сводится ни к одной концепции (ям) вне того, что мы можем назвать семейством обязанностей. Например, сказать, что действие запрещено

или обязательно не означает, к примеру, что результат этого действия плохой или хороший, или даже что это худший или лучший возможный результат. Аналогия: Для меня не было бы благом вести машину со скоростью 100 миль/час на немецком автобане, потому что я не очень хороший водитель. Однако, у меня нет НО не вести машину на такой скорости, потому что нет легального скоростного ограничения на автобане. Подобным образом, защитник ТБЗ считает, что благотворность, или вредность последствий наших действий сама по себе не означает, что эти действия обязательны, или запрещены, или допустимы (ни обязательны, ни запрещены).

- (2) ТБЗ основана на том, что Роберт Адамс назвал социальной теорией обязанностей. Есть обязанности разного рода: нравственные, легальные, семейные, обязанности этикета и мн. др. Хотя эти разные обязанности перекрываются различными способами, они концептуально различны. Все эти разные виды обязанностей укоренены в социальных отношениях разного рода; правильнее всего думать, что обязанности составляют отношения. Если я женюсь, я тем самым сделаюсь субъектом некоторых обязанностей в отношении супруги, т.к. эти обязанности - часть того, что /с134/ означает быть женатым на ком-то. Подобным образом я делаюсь субъектом конкретных легальных обязанностей, будучи частью общества, управляемого конкретным образом.

Отношения человека с Богом как и другие социальные отношения могут быть основанием разных обязанностей. Богу в силу того, Кто Он есть, положено воздавать уважение и восхищение, поскольку Бог в высшей степени любящий, всеведущий и всемогущий. 2. Будучи Творцом, Бог дал каждому человеку дар жизни, как и другие блага. Т.о. человек должен Богу огромный долг благодарности, который намного больше, чем долг любому человеку. 3. Защитник ТБЗ может считать что Бог хочет, чтобы каждый человек наслаждался жизнью вечной радости и благословения, что в свою очередь делается возможным благодаря улучшению отношений с Богом. Любовь к Богу, дружба с Богом. По этим причинам (и несомненно большим) божественные заповеди (или требования, или ожидания, если кому-то не нравится название) - это те, которые человеку следует стремиться выполнить. Если Бог просит меня совершить некое действие, у меня есть причина совершить это действие, которой в другом случае у меня бы не было. Возможно я должен совершить действие из благодарности, или потому что это улучшит мою дружбу с Богом, нечто благое само по себе,

но еще и ведущее к моему вечному счастью. возможно потому, что тогда Бог одобрит это а я ценю Его одобрение и потому что я Его друг и потому что я знаю Его как совершенно любящего и мудрого.

Защитник ТБЗ считает, что обязательства созданные божественными заповедями - именно те, которые мы называем нравственными обязательствами. Статус Бога как мудрого и благого Творца дает Ему власть создавать НЗны, как хорошее правительство, достаточно сильное чтобы контролировать свою территорию, имеет власть создавать правительственные законы. +++++ Идентификация НО с божественными законами объясняет многие черты НО, которые не могут объяснить (или объяснить достаточно хорошо) конкурирующие натуралистические объяснения. Например, можно объяснить почему НО имеют превосходную силу. Допустим, я живу в расистском государстве, в котором я имею легальные обязанности относиться к членам расы-меньшинства унижительным образом, но нравственность требует, чтобы я поступал иначе. Когда /с135/ легальное и нравственное конфликтуют, нравственность держит козырную карту. Если НО создаются моим отношением к Богу, можно понять, почему это так, ведь ни одно из социальных отношений не имеет большей силы и важности, чем отношения с Богом.

ТБЗ также объясняет объективность НО. Могут быть разногласия по поводу того, заповедал, или запретил Бог конкретное действие, и мы можем быть правы, или ошибаться в своей вере по поводу НО. Но этот реализм в отн НО в отличие от некоторых форм Нравственного реализма, не ставит вопроса о том, почему НО являются мотивирующими. Наоборот ТБЗ дает отличное объяснение почему мы должны заботиться о своих НО, поскольку они связаны с отношением, имеющим большую внутреннюю ценность.

ТБЗ также объясняет почему у нас есть НО, которые свойственны всем людям, включая людей, которые не могут нам предложить взаимных выгод и тех, кто сенилен, или страдает от духовного заболевания, делающего неспособным рассуждать. Ведь Бог сотворил всех людей по Своему образу. Даже тех, кто в этой жизни неспособен актуализировать возможности, которые им даны Богом, смогут наслаждаться этими возможностями в вечности. Отсюда следует что одна из вещей, которые Бог заповедает - то, что мы должны уважать ценность и достоинство всех творений, созданных по Его образу. Конечно, иудаизм и христианство считают, что одна из самых важных заповедей Бога - заповедь "люби ближнего, как самого себя" и как показывает притча о добром Самарянине, ближний не может

пониматься только как семья и друзья, или члены собственной этнической или расовой группы.

ТБЗ - онтологическое или метафизическое утверждение, а не семантическое. Оно утверждает не то, что НО *означает* “божественные заповеди”, но что НО это и есть божественные заповеди, точно также как может быть истинным “вода это H₂O” несмотря на то, что “вода” и “H₂O” - имеют разные значения. (49)

/с136/ Важной частью ТБЗ является объяснение того, как божественные заповеди “публикуются” (становятся известными). Существует несколько возможных вариантов. Можно считать, что Бог сообщает свои законы только через особые откровения. Однако такой взгляд имеет неудобные последствия. Вряд ли можно считать, что личность должна подчиняться законам, о которых она не знает. Отсюда те, кто не имеют доступа к откровению не могут быть ответственны за выполнение НО (допустим, они действительно - БЗ). Так что разумным будет считать, что это не единственный способ сообщения БЗ.

Можно думать, что Бог сообщает Свои законы посредством совести, особой нравственной способности. Такая нравственная способность не обязательно должна быть непогрешимой, чтобы оставаться ценной, и конечно она действует в культурном контексте, который неизбежно окрашивает и возможно искажает ее результаты. Но совесть действительно может быть эффективной, помогая людям узнать по кр мере о некоторых нравственных обязанностях.

1.0.6.1 Возражение на ТБЗ. Часто считается, что ТБЗ подвержена проблеме, поставленной Сократом в Платоновском Евтифроне. Если благочестие идентифицируется с тем, что любят боги, оно произвольно по характеру, а любовь, которую боги имеют к благочестивому будет немотивированной. Все что любят боги было бы по определению благочестивым, поэтому нельзя сказать что боги любят благочестивые действия потому что они благочестивы. Подобно этому можно думать, что если НО - просто то, что Бог повелевает, значит божественные повеления - произвольны. Бог не может повелеть личности делать что-то так как оно имеет характер нравственной правоты (если любое повеление Бога - нравственно правильно)

/с 137/ Конечно, если НО = БЗ, мы не можем сказать, что Бог заповедует действие поскольку оно нравственно обязательно. Однако, это не подразумевает, что божественные заповеди произвольны. ТБЗ в форме, сформулированной Робертом

Адамсом подразумевается, что только повеления благого и любящего Бога могут представлять НО. Поскольку Бог в сущности благ и любящ, Его заповеди будут укоренены в Его понимании блага и любви к благу. Действия приобретают статус НО будучи заповеданными Богом, но они будут иметь этот статус блага еще до того, как они заповеданы (также как законодатели вводят законы и тем самым делают некоторые действия незаконными, но они сами должны руководствоваться своим пониманием того, как эти законы служат общему благу).

Мы можем в действительности различить два аспекта ТБЗ, только один из которых - ключевой.

1. Можно назвать этот аспект Тезисом Модального Статуса (ТМС), который является утверждением, что действие, приобретает особый нравственный статус в силу того, что оно заповедано Богом.
2. Тезис разборчивости, осторожности (толковательность?) По крайней мере в отношении некоторых божественных заповедей существуют альтернативные заповеди, которые Бог мог дать, также как люди-законодатели, руководствующиеся задачей общего блага часто имеют разные пути достижения этого блага. Тезис различения - обычно поддерживается мыслителями, поддерживающими ТБЗ, такими как Дунс Скот. Однако важно отметить, что даже Скотт не считал, что Бог избирателен в том, что Он заповедует. Например, рассматривая Декалог как сумму божественных заповедей, Скотт считает, что некоторые заповеди (напр заповедь поклоняться Богу) Он заповедует с необходимостью (50). Другие заповеди, (напр почитание Субботы) хотя она направлена на благо, допускает некоторое различие. Могли быть другие способы, позволяющие человеку отдыхать.

Впрочем неясно, как многие из божественных заповедей таковы, что у Бога могли бы быть альтернативы. Возможно вообще нет таких случаев. Возможно /с138/ все повеления заповедаются Им необходимо. Важно понять, что даже те действия, которые Бог с необходимостью повелевает, или запрещает, все же приобретают новый нравственный статус благодаря божественным повелениям. Тезис Модального Статуса по прежнему устоит, даже если Тезис различения окажется неистинным. Мы следовательно можем считать что философ, поддерживающий только Тезис Модального Статуса, но не Тезис Различения - ограниченным (минимальным) случаем ТБЗ. На самом деле можно так думать о Канте.

1.0.7 Два естественных указания на Бога в нравственном опыте

Мы наконец в состоянии описать естественные указания на Бога которые пытается выявить НА. 1. Опыт моральной ответственности 2. Наше восприятие человека как имеющего особую ценность и достоинство.

Некоторый опыт или духовные состояния могут указывать на Бога таким же образом, как ощущения указывают на чувственные объекты у Рейда (Reid). Однако действительные черты мира могли бы быть теистическими естественными указаниями также как для Рейда некоторые чувственные объекты (как выражение лица) могут быть естественными указаниями духовного состояния. Два естественных указания вместе с нравственностью могут быть поняты любым из этих двух способов.

Вероятно первый тип имеет смысл описывать как опыт, ощущение того, что ты связан, или обязан. Если описать это таким образом, то указания, как Рейдовское ощущение - нечто ментальное. Однако если НО, т.е. осязаемое - объективная реальность, тогда можно считать, что это указание больше похоже на выражение лица у Рейда, нечто чувственное, что в свою очередь является знаком чего-то еще.

Второй нравственный признак, наш опыт людей как обладающих особой ценностью и достоинством подобным образом можно интерпретировать более чем одним способом. Я считаю, что считать этот признак ощущением реальной черты мира (люди обладают особой ценностью) - вполне убедительно. Но, вероятно также можно мыслить этот признак как находящийся в нашем опыте; это наше понимание человека как обладающего ценностью - признак. /с139/

1.0.7.1 Нравственная подотчетность как естественный признак Если ТБЗ представляет правильное описание нравственности, то наше знание НО - просто знание божественных заповедей, иначе это знание чего-то что прямо происходит от активности Бога, которая является основанием наших НО (в том случае, если мы считаем, что НО напрямую зависят от БЗ, или БЗ являются их причиной) Отсюда ясно, что истинность ТБЗ означает, что НО можно считать естественными указаниями на Бога. Они - феномен, причина которого Бог, и конечно кажется, что частью их предназначения было бы указывать нам в сторону Бога, как на нравственного законодателя и т.о. делать возможным улучшения наших взаимоотношений с Богом. Более

того, если ТБЗ истинна, кажется убедительным, что опыты НО часто на самом деле действуют таким образом, (как будто есть этот замысел). Люди, которые чувствуют, что они нравственно обязаны совершить (или воздержаться от) действие обычно видят себя подотчетными или ответственными некоторым образом, и они часто интерпретируют эту подотчетность как действительную ответственность перед Богом.

Нетрудно видеть, почему это так. Кажется разумным думать о подотчетности как о социальной концепции. Если это верно, значит я не могу просто быть подотчетным; скорее я должен быть подотчетен некоей персоне, или сообществу. Если Бог - источник наших НО, значит Бог будет среди тех, в отношении кого я - подотчетен; в действительности Бог будет главным, в отношении Кого я подотчетен. Конечно, обычно интерпретировать эту подотчетность в связи с божественными санкциями, с помощью которых Бог наказывает виновных и награждает добрых. Впрочем, популярные картины рая и ада с улицами из золота и мучительным огнем, не обязательно должны быть приняты в качестве неотъемлемой части истории. "Нести ответственность" не обязательно должно пониматься в терминах рая и ада. Для личности, любящей Бога, Его одобрение и неодобрение могут быть ключевыми. Большинство теологических объяснений рая и ада видят рай состоящим в блаженном опытном отношении с Богом и другими любящими Бога, в то время как ад видится как потеря этого блага. Если это /с 140/ - верно, то основная санкция, которая стоит за НО - послушание НО понимаемым как БЗ помогает дружбе с Богом, которая является главным благом для людей; непослушание - барьер к достижению этого блага. Так, если Бог - источник НО, и у нас есть естественная склонность видеть НО происходящими от Бога, тогда наше понимание НО будет теистическим естественным признаком.

Однако для того, чтобы НО действовали как естественные признаки Бога, не обязательно, чтобы была истинной полноценная ТБЗ. В крайнем случае необходимо только что я называю минимальной ТБЗ. Важным в этом контексте является Тезис Модального Статуса, а не Тезис Различения. ТМС подразумевает, что действия заповеданные Богом тем самым получают новый нравственный статус, которого они бы не имели в ином случае. Действия, которые возможно (и даже наверняка) были бы добрыми или злыми даже независимо от божественных повелений, теперь важны по новой причине. Если я делаю то, что нравственно запрещено, или не могу сделать то, что нравственно требуется, я разочаровываю Бога, Который вправе рассчитывать на мое послушание. Даже если то, что

Бог заповедает, он заповедует с необходимостью, это по-прежнему останется истиной. НО согласно этому взгляду могут быть вещами, которые связывают меня образом, подобным тому, как меня может связывать человеческий закон. Этот смысл подотчетности моб осуществляться через набор разных типов опыта, включая базовый смысл что я “должен” или “мне следует” действовать определенным образом, ощущение вины, когда я не делаю этго и ощущение удовлетворения или счастья от выполнения НО. (Ударение на таком опыте предполагало бы что признак в этом случае, как в Рейдовском ощущении - нечто субъективное).

Можно пойти дальше в разделении ощущения подотчетности от ТБЗ как теистического естественного указания. Хотя ТБЗ все еще ценно, являясь родом модели того, как люди могут быть связаны с Богом через опыт нравственности, ощущение нравственной подотчетности могло бы быть естественным указанием на Бога, даже если минимальная ТБЗ не устоит. Некоторые критики утверждают, что ТБЗ ложно, т.к. не все НО укоренены в божественных заповедях. Например, можно утверждать, что обязанность подчиняться Богу - само по себе НО, и что такая обязанность д.б. заранее обусловлена божественными заповедями и не может возникнуть посредством божественной заповеди. Даже если критика справедлива, это не означает, что опыт /с141/ подотчетности не яв теистическим указанием, т.к. утверждение о том, что некоторые НО могут быть естественными указаниями на Бога не требует истинности ТБЗ, даже в минимальной форме. Т.е. нет необходимости в том, чтобы все БЗаповеди, или даже что все НО зависят от БЗ. Все что необходимо, чтобы было истинным заявление о том, что в НО заключены естественные указания на Бога - чтобы *некоторые* НО были БЗаповедями или зависели бы от ДЗ соответствующим образом. Кажется разумным, что если Бог существует, и создал людей, Его ожидания по отношению к нам создадут *некоторые* обязанности. Так, даже если в целом не истинно, что НО зависят от Бога, вполне возможно, что наш нр опыт будет включать естественные указания на Бога.

Даже неверующий чувствует силу этого смысла обязанностей. Сам язык “нравственного закона” предполагает что *будто бы* существует власть, перед которой мы несем ответственность. Факт того, что секулярные мыслители признают силу закона демонстрируется энергией, посвященной отысканию альтернативного объяснения основания закона, и несмотря на это, – слабость этих альтернативных объяснений. Это ясно видно в экзистенциализме Жана Поль Сартра, который подтверждает принцип ДОсстоевского “если Бога нет, то все позволено”. Сартр замечает, что его

собственное объяснение, в котором каждая чел личность избирает что правильно и неправильно – уязвима перед обвинением, что это делает нравственность произвольной, но он думает, что у него нет выбора, поскольку от принимает суждение Ницше “Бог умер”. “Мой ответ на это обвинение (в том, что ценности произвольны) таков, что я весьма расстроен тем, что это так; но если мы отвергли Бога Отца, нужен кто-то, кто изобрел бы ценности”. (52)

/с142/ Важно вспомнить “Ограничения Паскаля”, согласно которым любые естественные указания на Бога будут ограничены. Первое - то, что указания будут широко доступны. Другое – указанием будет легко сопротивляться. Опыт нравственной подотчетности определенно удовлетворяет обоим этим условиям. Нравственная подотчетность кажется выдающимся элементом практически в любой культуре, и конечно обычно и вероятно естественно для людей интерпретировать этот опыт как указывающий на Бога. Однако указанию безусловно можно противиться. Дело не только в том, что некоторые отрицают реальность объективных НО, как делал Ницше. Многие другие, кто не решается отрицать реальность НО, ищет альтернативные объяснения феномена с разной степенью успеха. Рассмотрение Н подотчетности как естественное указание на Бога объясняет и привлекательность и силу НА в пользу бытия Бога, также как недостаток окончательности таких аргументов.

1.0.8 Внутренняя ценность человека как естественное теистический указание.

Рассматривая “конструктивистскую” попытку Кристин Корсгаард объяснить НО, я заметил что она опирается на вдохновенную Кантом формулу НЗ как требующего чтобы мы относились к всем людям, как целям в себе, как к существам, имеющим внутреннюю ценность и достоинство. Люди имеют ценность в разной степени. Одни - прекрасные философы, некоторые, как сама Корсгаард обладают дарованием в высшей степени, чем другие. Другие, как Тайгер Вудс обладают ценностью будучи превосходными игроками в гольф (Вудс обладает этой ценностью в исключительной степени). В добавок к этим видам ценности, Корсгаард считает, что каждый человек обладает некоей базовой ценностью, просто как человек и этот вид ценности не является вопросом степени. Одни люди могут быть лучше других в разных отношениях, но все они – одинаково люди.

Выше я согласился с Корсгаард, что люди действительно

обладают этим родом ценности, но спросил, совместимо ли такое утверждение с конструктивистским объяснением нравственности? Кажется, принцип отношения к людям /с143/ как к целям в себе зависит от признания, что люди, как люди имеют особый вид внутренней ценности, и что это объективный факт, относящийся к ним, а не результат решения, которые люди совершают как разумные агенты. Конечно, не все люди принимают это утверждение что все люди обладают этим видом ценности. Нацисты не оглашались с тем, что евреи и цыгане и гомосексуалисты имеют внутреннюю ценность как люди. Как я отметил прежде, слишком часто людям свойственно проводить черту, отделяющую “их” от “нас”, независимо от того, определяется “мы” как друзья и семья, члены того же общества, расы, этнической группы, или религиозной. В каждом случае “аутсайдеры” – те, кто не входит в предпочитаемую группу. К сожалению, даже некоторые из тех, кто прооъявляют, что они считают всех людей имеющими внутреннюю ценность часто не могут жить в соответствии с этим идеалом. Однако... эта вера... воплощает идеал, который подтверждается лучшими из людей в их лучшие моменты. Я согласен с Nicholas Wolterstorff, что такая вера поддерживает убеждение, что люди обладают “естественными правами” как люди (53). Не только неправильно намеренно убивать моих сограждан; неправильно также убивать невинных людей, у которых нет естественных связей со мной, кроме того, что они - люди, как и я. Все люди обладают правом на жизнь, также как и другими естественными правами. Нацисты и белые супремасисты могут не соглашаться, но именно потому, что этические убеждения и практики нацистов противоречат этому идеалу так явно, нацизм сделался примером злой системы.

Некоторые доказывают, что эта концепция человека обладающего внутренней ценностью и достоинством, являющаяся основой естественных прав человека - продукт Иудаизма и Христианства, при том, что и то, и другое заявляют о том, что люди - не только творение Бога, но и созданы по Его образу. Николас Вольтерсторф недавно утверждал, что концепция людей обладающих внутренней ценностью... /с144/ была не только исторически продуктом еврейских и христианских концепций человека, но что даже теперь нет подходящей альтернативы этому религиозному пониманию, способного представить “основу” естественных прав человека (55) Он доказывает, напр, что ценность людей... не может быть основана на некоей способности, или достоинстве, таком как сила разума, потому что многие из тех, кто обладает человеческими правами не обладают силой разума. Младенцы, больные Альцгеймером,

рожденные с серьезными умственными заболеваниями лишены любых таких рациональных сил, однако по-прежнему обладают ценностью и достоинством принадлежащими людям как людям. Если Вольтерсторф прав, значит вера в человеческие права может быть хрупкой. Ее сложно поддерживать без веры в то, что люди сотворены Богом во образ Божий. Однако те, кто верит, что естественные человеческие права - важная часть нравственной материи человеческого общества могут по мере надеяться, что эта вера может уцелеть, по мере на время без религиозных оснований.

Такая надежда не кажется совершенно безосновательной. Гуманистический манифест II отказываясь от любой религиозной основы для понимания человеческой природы, ясно утверждает, что каждая человеческая личность имеет внутреннюю ценность, поддерживая "ценность и достоинство отдельной личности" (56) Поэтому неудивительно, что позднее в том же документе, основана ООНовская "Всеобщая декларация прав человека" К тому же гуманистический документ не является необычным. Многие нерелигиозные философы, не принимающие никаких теистических верований, тем не менее продолжают верить, что все люди имеют внутреннюю ценность и ищут путей объяснения или оснований этой ценности. (57)

Можно сказать, что неважно, имеют ли они адекватное объяснение внутренней ценности человеческой личности, для таких секулярных мыслителей каким-то образом очевидно, что *люди обладают такой ценностью*. Мне /с145/ кажется, можно интерпретировать такое признание как восприятие того, что христианские богословы традиционно называют "образом Божиим" в людях и видеть эту признаваемую ценность как естественное теистическое указание. Я попытаюсь защитить эти утверждения путем обсуждения Works of Love написанного Søren Kierkegaard, которая состоит из серии размышлений над великой заповедью, общей для иудаизма и христианства - любить ближнего как самого себя. Кьеркегор понимает эту заповедь, основываясь на притче о Добром Самаритянине, как говорящем о том, что каждый человек - на самом деле ближний для любого другого.

Правда, Кьеркегор подтверждает что это накладывание — божественная заповедь. Но божественные заповеди не произвольны, а направлены на благо. На самом деле, для некоторых (или даже для всех) божественных заповедей, благо как заповеданная цель может быть настолько сильным, что божественные заповеди - необходимы. Например, как я заметил выше, согласно теоретику божественной заповеди вроде Дунса

Скота, Бог необходимо заповедует людям поклоняться только Ему одному, т.к. Бог – единственное Существо, достойное поклонения, а отношение с Богом – верховное благо. Если люди созданы по образу Бога, возможно Бог также необходимо заповедует людям признавать и чтить других людей; вряд ли можно любить Бога не любя также то, что Бог создал, особенно то, что создано в Его образ.

Кьеркегор старается выразить эту идею двумя путями: говоря о “внутренней славе”, которой обладают все люди и используя образ “общей печати”. Он сравнивает человеческую жизнь с пьесой (58). В пьесе все актеры носят разные костюмы, подходящие для их ролей. Один может играть нищего, а другой – короля. “Но когда занавес падает на сцену, тот, кто играл короля и тот, кто играл нищего и т.д., – одно и то же – актеры” (59). Человеческая жизнь также содержит великое “разнообразие” и некоторые – действительно ничего, а другие – короли. Однако “когда занавес смерти падает на сцену действительности... тогда они, тоже, все являются одним – человеческими существами” (60) Каждая личность, какими бы ни были различия, обладает /с146/ “внутренней славой”. Каждый человек может быть сравнен по Кьеркегору с листом хорошей бумаги. “Возьмите много листов бумаги, напишите нечто отличающееся на каждом; тогда ни один из них не будет похож на другой. Но затем вновь возьмите каждый отдельный лист; не отвлекайтесь разными надписями, но посмотрите на них против света и вы увидите один и тот же водяной знак на всех листах. Таким же образом ближний – обычный водяной знак, но вы увидите его только с помощью света вечности, когда он светит сквозь различие (неподобие, dissimilarity)” (61)

Возможно, Кьеркегора можно понять так, что когда мы видим подобного нам человека как ближнего, в этом особом смысле “ближнего”, мы ощущаем эту “внутреннюю славу”.

Верующий явно признает смысл этого ощущения обладания человеком “внутренней славой”, т.к. он видит людей созданными по образу Бога. Однако, для кого-то еще неверующего возможно также ощущать эту базовую ценность человека. Такая личность видит “свет вечности”, который освящает “общий водяной знак”... осознавая нечто что Бог сотворил и предназначил как указание на Бога, нечто, действительно указывающее на Бога, как трансцендентную почву таинственной ценности, которую мы видим в себе.

Такое естественное указание ценно по целому ряду причин. Во-первых, оно не зависит никаким образом от ТБЗ, даже от сокращенного смысла, в котором видеть выражение

подотчетности как естественное теистическое указание, предполагает, что ТБЗ по крайней мере снабжает нас моделью того, как люди могут нравственно быть связаны с Богом. Однако важно различать, что видеть людей обладающими внутренней ценностью как естественное указание на Бога вполне совместимо с ТБЗ; ценность человека дополняет ТБЗ представляя объяснение почему Бог заповедует нам любить и ценить людей. Ясно, что такая заповедь укоренена в благодати, которую Бог заключил в людей /с147/. Признание внутренней ценности людей кажется выдерживает ограничение Паскаля в отношении естественного теистического указания (признака). Опять же, у нас есть что-то широко доступное; многие люди, включая неверующих способны и желают воспринимать людей как имеющих этот род уникальной ценности. Конечно, это указание, которому можно сопротивляться (можно объяснить ценность другим путем, или даже видеть очевидную ценность как иллюзию). Все же допустимо видеть признак, как имеющий некую подлинную силу. Поскольку знак в этом случае лежит в нашей собственной природе, его легко упустить. Факт того, что люди продолжают поддерживать ценность человека, даже когда у них нет никакого убедительного объяснения, почему люди имеют такую ценность, показывает силу признака, как и энергичные усилия философов найти нетеистическое объяснение ценности.

1.0.9 Заключение

Во 2 части я заметил, что естественные теистические признаки указывают на Бога, но отличаются в том, что мы могли бы назвать информационной нагрузкой. Их функция – сделать так, чтобы люди осознали реальность Бога, но даже когда они делают это успешно, те, кто полагаются на признак могут иметь очень различные верования о Боге, многие из которых ложны. Космическое удивление, рассмотренное в 3 части, которые как я доказываю лежит в основе КА, указывает на некий род трансцендентного основания естественного мира, но не говорит слишком много о природе этого основания. Целеустремленный порядок, рассмотренный в 4 части предлагает нечто более содержательное, поскольку по-видимому указывает на Бога, который разумен и заботится о ценности. Однако, по моему мнению, два естественных теистических признака, которые лежат в нашем нравственном опыте, и которые помогают сделать НА убедительным, не только указывают на Бога более сильным образом, но также предлагают более глубокий взгляд на природу Бога. Так как они указывают на Бога,

который благ в сущности и который желает отношений с людьми. Кто-то, осознавая, что Бог является основой НО, знает не просто абстрактную метафизическую реальность, но личную реальность, которая делает утверждение о жизни людей. Тот, кто знает Бога как Источник внутренней ценности, представленный в человеческих личностях, также знает Бога как личное Существо, и как Того, Кто по преимуществу обладает ценностью и достоинством, которые мы видим в людях.

Конечно одно дело – показать, что эти естественные теистические признаки – предположительно свидетельства в пользу Бога. Другое – показать, что они составляют хорошее свидетельство... следующая часть посвящена этой задаче.